

Глава 18

Гу Цзиньчэн, с его маниакальным стремлением к порядку, надел перчатки и принялся методично отчищать каждый кирпичик вокруг печи, доводя их до блеска. Он даже самые застарелые пятна жира в углах оттер металлической губкой.

Обернувшись, он увидел Фан Цзинно, который свернулся калачиком у поленницы и крепко спал, развалившись на длинной скамье. Капелька слюны стекала из уголка его рта и, падая на грубую древесину, оставляла маленькое влажное пятно.

Деревенские скамьи делали на совесть — широкие, массивные, способные вместить трех-четырёх человек. Фан Цзинно, уютно устроившись на ней, выглядел расслабленным, словно ленивый кот.

Его винтажная клетчатая рубашка от ARMANI задралась, обнажая полоску гладкой белоснежной кожи на талии, сбоку виднелась крошечная алая родинка.

Глядя на эту беззащитную картину, Гу Цзиньчэн невольно прищурился.

«И впрямь бесполезный, ленивый барин. Даже спит где попало».

Ритмичный стук ножа по разделочной доске наконец разбудил Фан Цзинно. Он сонно потянулся и тыльной стороной ладони небрежно вытер слюну с губ.

— Ну что, до сих пор не закончили? — хрипло спросил он.

Слова застыли у него на губах.

Овощи на доске действительно были нарезаны, но дрова в печи оставались холодными. В огромном чугунном котле, вмонтированном в печь, по-прежнему плескалась мутная вода после мытья, а кочерга так и валялась в стороне.

Только что проснувшийся Фан Цзинно все еще плохо соображал. Он потер заспанные глаза и недоверчиво переводил взгляд с печи на остальных.

Такая низкая производительность?

В душах остальных уже давно кипел праведный гнев.

Пока они мыли и резали овощи, Фан Цзинно сидел у поленницы и играл со своей игрушкой. Устав, он просто лег и уснул, а теперь, проснувшись, еще и смеет их торопить. Такое поведение вывело бы из себя кого угодно.

Но, учитывая огромную популярность Фан Цзинно и то, что их снимали камеры, все сдержались.

Цзинь Жэнь, который больше всех не переносил подобного барского поведения, громко скомандовал, закатывая рукава:

— Так, на счет «три» все вместе поднимаем котел и выливаем воду на улицу!

Наблюдая, как они готовятся поднять вмонтированный в печь котел, Фан Цзинно почувствовал, что видит какой-то абсурдный сон.

Кто же так выливает воду?

Нахмурившись, он поднялся и, растолкав толпу у котла, попытался их отогнать.

— Господин Фан, вы бы лучше сидели и отдыхали. Не мешайтесь, а? — раздраженно бросил Цзинь Жэнь, который уже был на взводе.

Но в следующую секунду все застыли в изумлении.

На лице Фан Цзинно еще оставались следы сна, его полуприкрытые глаза, казалось, все еще блуждали в мире грез. Он небрежно снял со стены связку тонких бамбуковых прутьев, которую все проигнорировали, подошел к котлу, наклонился и одним легким движением запястья вычерпал большую часть застоявшейся воды.

— Что... что это за штука? — вытаращив глаза, спросил Ли Линьлинь. Он так удивился, что едва не выронил нож.

— Веник, — сонно буркнул Фан Цзинно, произнеся слово с едва заметным диалектным акцентом.

— Неужели существуют такие артефакты... — пробормотал Ли Линьлинь.

Но самое поразительное было впереди.

Привычными движениями Фан Цзинно зачерпнул ложку смальца из банки на столешнице и бросил в котел, затем налил туда же ковш воды из бака. Прихрамывая, он подошел к топке, присел на корточки и парой ловких движений разворошил угли кочергой. С громким «ху-ух» дрова, которые до этого не поддавались никаким уговорам, мгновенно вспыхнули. Яркое пламя с веселым треском заплясало по дну котла.

Глядя на то, как послушно ведет себя огонь в руках Фан Цзинно, остальные замерли, будто пораженные громом. На их лицах застыло недоверие.

Те, кто мгновение назад считал его помехой, теперь поспешно отступили на несколько шагов, боясь ему помешать.

Гу Цзиньчэн стоял в дверях кухни и со сложным чувством наблюдал за фигурой, уверенно орудующей у печи.

На Фан Цзинно был винтажный костюм из последней весенне-летней коллекции ARMANI, одна только вышивка на манжетах стоила шестизначную сумму.

Мультишная игрушка, небрежно болтавшаяся на поясе, была лимитированным произведением известного зарубежного художника стоимостью в десятки тысяч.

А кожаные туфли на его ногах — эксклюзивная ручная работа итальянского мастера, выпущенная всего в трех экземплярах.

Этот человек с самого начала своей карьеры в индустрии развлечений больше всего любил выставлять свое богатство напоказ в Weibo.

Сегодня — лимитированный спорткар, завтра — частный самолет, брендовая одежда, которую он надевал лишь раз. Настоящий избалованный наследник, погрязший в роскоши.

Тщеславный, капризный, заносчивый — все эти эпитеты идеально ему подходили.

Но сейчас он стоял у печи, и его движения были настолько отточенными, словно он прожил в деревне не один десяток лет. Если не обращать внимания на его высокомерное лицо, он был вылитый деревенский паренек.

Как в одном человеке могут уживаться такие крайности?

Гу Цзиньчэн смотрел на абсолютно расслабленное выражение лица Фан Цзинно — таким он его еще никогда не видел.

Вероятно, это была его истинная сущность, проявлявшаяся лишь в полусне.

Фан Цзинно действительно еще не до конца проснулся. Он упрямо считал, что все это ему снится.

В конце концов, проснуться и увидеть, как кто-то пытается поднять котел, чтобы вылить воду, — слишком странно.

Поэтому он, как обычно, привычно бросил в котел лапшу, разбил яйцо, добавил овощи. Все его действия были отточены до автоматизма, словно он проделывал это тысячи раз.

Гу Цзиньчэн прищурился, его взгляд стал еще более пытливым.

— Откуда ты все это так хорошо умеешь? — спросил он, не отрывая от него глаз.

Вопрос подействовал как ушат холодной воды. Фан Цзинно мгновенно пришел в себя.

Он опустил глаза на миску с дымящейся яичной лапшой в своих руках и, словно пораженный молнией, поспешно поставил ее на печь. Его пальцы нервно сжимали край одежды.

— Не умею я! С чего ты взял? Каким местом ты увидел, что я что-то умею?! — выпалил он.

Подняв голову, он встретился с испытующим взглядом Гу Цзиньчэна.

Словно кошка, которой наступили на хвост, он мгновенно ошетинился и, не отводя взгляда, заставил свой мозг лихорадочно работать. Наконец, собравшись с мыслями, он произнес, стараясь казаться спокойным:

— Я... я просто научился этому на съемках.

«Ложь», — мгновенно понял Гу Цзиньчэн.

Он видел все работы Фан Цзинно, и ни в одной из них не было сцен, требующих навыков обращения с деревенской печью.

Этот избалованный барин никогда не брался за трудные роли, играя исключительно холеных и ухоженных персонажей.

С Фан Цзинно определенно что-то было не так.

Но как он, выросший в богатой семье, мог так хорошо разбираться в деревенском быте?

Видя его настороженный, как у дикого зверька, вид, Гу Цзиньчэн решил пока не давить.

— Пора есть. В любом случае, спасибо тебе.

Он взял миску, которую Фан Цзинно оставил на печи, протянул ему, а затем повернулся, чтобы налить лапши остальным.

Четверо других уже умирали от голода и, получив свои порции, набросились на еду.

К всеобщему удивлению, лапша, приготовленная Фан Цзинно, оказалась невероятно вкусной. Аромат смальца смешивался со свежестью зеленого лука — простое, но согревающее душу блюдо.

— Верно, на съемках многому учишься, — сказала Цю Юй, не особо задумываясь. — В моем последнем фильме, который был о республиканской эпохе, мне пришлось три месяца учиться играть на пипе.

Ли Линьлинь, окончательно забыв о былой неприязни, посмотрел на Фан Цзинно с восхищением:

— Никогда бы не подумал, Цзинно! Ты и такое умеешь, это потрясающе!

Чжань Цинъянь тоже кивнула ему и серьезно сказала:

— Спасибо.

— Бро, спасибо тебе, без тебя мы бы так и остались голодными! — Цзинь Жэнь неловко потер нос и, понизив голос, добавил с ноткой обиды: — Умеешь разжигать — так сказал бы сразу. А то мы тут как дураки полдня провозились.

Эту фразу слышал только стоявший рядом Гу Цзиньчэн. Он нахмурился:

— Не обсуждай других за спиной.

Цзинь Жэнь смущенно замолчал.

— Никогда бы не подумала, что наш первый ужин в деревне приготовит маленький дьявол! — прошептала Цю Юй на ухо Чжань Цинъянь. — Когда съемки закончатся, обязательно расскажу своей ассистентке. Она твоя преданная фанатка, умрет от зависти.

Но все эти похвалы ничуть не радовали Фан Цзинно.

Он лишь вяло ковырял палочками лапшу в своей миске, безразлично глядя на дно. Он не мог съесть ни кусочка.

Он испытывал к этому месту физическое отторжение. Он ненавидел каждый кубометр здешнего воздуха, каждый сантиметр этой земли.

Без всякой причины. Просто ненавидел.

***